

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

КУПИДОН
С ЖАРЕННЫМ
ЛУКОМ

Елена Ивановна Логунова
Купидон с жареным луком
Серия «Смешные детективы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64775922

Купидон с жареным луком / Елена Логунова: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-120319-1

Аннотация

Алиса Пеструхина купила дом в деревне, где живут ее родственники – тетя Вера и двоюродный брат Митяй, местный участковый. Однако и там она не нашла желанного покоя! Однажды утром к ней вломился неизвестный, но Алиса не растерялась и оглушила его шваброй. Ей на помощь пришел брат, и выяснилось, что это недавно освободившийся из колонии Андрей Соколов, осужденный за кражу иконы во время реставрации местной часовни. И это было только начало: у соседей Алисы пропало редкое старинное украшение, женский головной убор – кокошник из жемчуга. Подозрение вновь пало на Соколова, но что-то подсказывает девушке – все не так просто!

Елена Логунова

Купидон с жареным луком

Тетка Вера оказалась права!

– Не бросай ты, Ляська, швабру с ведерком у порожка, – говорила она, укоризненно тряся тугими барашковыми кудельками – голубенькими, по забытой уже в городе моде. – Убьется же хтось!

– Хтось? – смеялась я, умиляясь неизменной теткиной заботливости. – Кот Шуруп? Я ж одна живу, тетя Вера!

– А как явится хтось? – не унималась тетка.

– Как явится? Откуда? – Тут я взмахивала руками, обводя мировые просторы, на которых до сих пор не нашелся тот «хтось», который явился бы ко мне в деревню Пеструхино.

А «хтось» вдруг взял и явился! И ведь что примечательно: как нарочно, именно когда я закончила мыть полы. И – да, конечно же, по привычке оставила швабру с ведром у порожка. Ненадолго – не неряха же я какая – только на то время, пока буду любоваться сияющими мокрыми полами.

Красно-коричневая краска на них, свежевемытых, будто загустела и сделалась глянцево́й, как пасхальное яичко, крашенное в луковой шелухе. Законное солнце – ставни я уже распахнула – ударилось в мокрую поверхность, разбилось, запрыгало по неровностям слепящими зайчиками...

Мне нравились мокрые деревенские полы – живые и ве-

селье, не то что строгий и скучный городской ламинат. Не нравились бы – я б их не намывала каждое божье утро. Ну, и швабру с ведерком у порожка не бросала бы. А тут вот бросила, как всегда, и вышло неладно.

Сначала на красно-коричневый глянec, разом прихлопнув с полдюжины резвых солнечных зайцев, упала просторная тень. Я не сразу сообразила, в чем дело, но тут появились чоботы – иначе эту обувь было не назвать. Помятые, заскорузлые, грязные! С намытыми полами они диссонировали, как самогон с «Тирамису», – я ахнула, отмерла и прервала свое благостное буддистское созерцание.

И тут же услышала матерок – досадливый и грязный, как... как эти самые чоботы. Под ними на старательно намытом глянце уже расплывались комковатые желто-серые пятна – по характерному цвету, структуре и амбре я мигом признала самодельное удобрение, только вчера рассыпанное на грядках соседки бабы Дуси.

Я вслух подумала:

– Огородами шел! – И при виде грязюки машинально потянулась за шваброй.

А этот, в чоботах, сказал:

– Вот же с-с-с... – И назвал меня – а кого еще, я же одна живу, кот Шуруп не в счет! – собакой женского рода и женщиной легкого поведения.

У меня как раз уже швабра в руке была, и я ее дернула на себя. А этот, в чоботах, слишком резко и внезапно подался

ко мне, ну и встретились они – его подбородок и моя швабра.

Эта их первая встреча была совершенно случайной! Могу поклясться, я не хотела. Мужик, понятно, тоже. О швабре и речи нет – той вообще все параллельно.

Но Хтось схватился за челюсть, снова матерно замычал, а на поруганный красно-коричневый глянец со звоном брякнулось что-то железное, мигом воскресившее часть пришибленных было солнечных зайцев.

Я пытливо моргнула, присматриваясь, – а это ножик! Косой, сапожный, в оплетке синей изоленты – дядя Петя таким из моих фасонистых городских ботильонов чувяки вырезал, когда кот Шуруп в приступе необъяснимого буйства в лоскуты подрал кожаные голенища.

И вот на ножик в сочетании с невнятной матерной угрозой я, признаюсь, отреагировала уже сознательно – шарахнула этого, в чоботах, перекладной швабры, как зловердное насекомое резиновой мухобойкой!

Враг зашатался и присел. Я, развивая успех, бросила швабру, схватила ведро, прицельно выплеснула грязную воду, пустую емкость нахлобучила на чужую мокрую голову и уже по сверкающему оцинкованному железу, как по шлему рыцаря-захватчика, еще разок-другой влупила победоносной шваброй – своей дубиной народной войны.

Ведерно-колокольный звон еще не растаял в воздухе, а я уже летела по деревне, как фурия: в одной руке швабра, в другой массивный, как кочерга, ключ от входной двери – ее

я мигом заперла, пленив поверженного вражину в чоботах.

– Ми-и-итя! Митяй! Мить, Мить, Мить! – тревожно вы-
свистывала я на бегу, держа курс через три двора на четвер-
тый – к Митяю, Дмитрию Палычу, здешнему участковому и
моему двоюродному брату по совместительству.

Даже не знаю, что для Митяя хлопотнее и утомительнее –
служба или наше с ним родство. Хотя родни у Митяя и без
меня немало. То ли наша с его матушкой фамилия дала на-
звание всему населенному пункту, то ли наоборот, но факт
есть факт: мы с теткой Верой Пеструхины из деревни Пест-
рухино! Хотя тетка, выйдя замуж, фамилию сменила и стала
Синеглазовой. А я в браке еще ни разу не состояла и потому
до сих пор зовусь, как отчая деревня.

Не то чтобы я видела в этом повод для гордости – мне
бы больше понравилось быть тезкой городу Парижу, напри-
мер... Алиса де Пари, а? Звучит ведь? Это, кстати, мой псев-
доним в интернет-журнале «Тренды-бренды», у меня там ав-
торская колонка про всякую-разную гламурашину...

Только не подумайте, что я работаю в «Трендах-брен-
дах» – нет, там я всего лишь подшабашиваю. Официально я
трудоустроена в солидном СМИ – газете «ФинансистЪ», но
там не очень хорошо платят. Хуже, чем в несерьезных мод-
ных «Трендах».

И вот зачем я сейчас об этом, а? Побежала я, стало быть,
по деревне к брату-участковому. А Митяй сидел под яблонь-
кой во дворе и ел борщ. Он всегда по утрам ест борщ, глазу-

нюю с салом, пироги – основательно так трапезничает. Тет-ка Вера, маманя Митяя, как раз спускалась с крыльца с па-рящим чайником и при виде бегущей и вопящей меня – со шваброй! – уронила руки и едва не ошпарилась.

– Митяйчик, ко мне там влез один, а я его бац, бац – и заперла! – лаконичненько доложила запыхавшаяся я и обес-силенно упала на лавочку.

– Ох ты ж господи! – Тетка Вера перекрестилась свобод-ной от чайника рукой и поторопилась спуститься с крылеч-ка. – А ну отдыхивай, отдыхивай! Щас тебе чаю налью, а мож самогоночки сразу?

– А заперла-то чего? – утерев ладонью залоснившие-ся от жирного борщеца губы, лениво поинтересовался Ми-тяй-участковый. – Шоб не сбег? Ему ваше бац-бац не понра-вилось, а ты не прочь повторить?

– А ну умолкни, охальник! – Тетка Вера сдернула поло-тенце, используемое вместо фартука, и привычно погрозила им сыну. – Вишь, не в себе девка! Пожалей, зря не выпра-шивай.

– Не, не, пусть спрашивает. – Я обмахнулась ладошкой. – Значит, так. Здоровый мужик, как медведь какой, в жутких чоботах...

– Мог бы и их снять, – хохотнул неугомонный Митяй.

– Цыц! – Тетка Вера хлестнула-таки его полотенчиком. – Не мешай слушать! Ляська, рассказывай!

– Я только полы помыла, и тут он! Вломился в дом, обма-

терил меня, нож уронил, а я его шваброй, шваброй... Или нет, сначала я его шваброй – случайно, потом он меня обматерил, и тогда я его снова шваброй, а он выронил нож... Или опять нет: сначала он выронил нож, а уже потом я его снова шваброй? – Нервничая, я никак не могла восстановить последовательность событий и очень от этого огорчилась. Обычно у меня с изложением проблем не возникало, акула пера как-никак! – Ох, что же было раньше – курица или яйцо?

– Слышь ты, курица, – построжал Митяй-участковый, откладывая ложку. – Соберись. Я пока не понял, ты кого-то убила, что ль? – И он покосился на швабру.

А тетка Верка опять боязливо перекрестилась.

– Надеюсь, что не убила, – ответила я и прислушалась к своим ощущениям. – Нет, точно не убила. Когда я убегала, он ворочался, ведром о стену бился... Что? – Я обвела обиженным взглядом вытянувшиеся лица непонятливых слушателей. – Да, вот представьте, он в ведре был!

– И в жутких чоботах, – слабым голосом припомнила тетка Вера, тоже села, подперла голову ладошкой и с прискорбием воззрилась на меня.

Я же при упоминании чоботов возмущенно вскинулась:

– Он огородами шел! Грязюки мне натащил торфяной! С-с-собака... мужского рода...

– Стоп, Ляся, Ляся! – Митяй вдруг приподнялся, сунул руку в карман домашних штанов-трикошек, выудил оттуда

мобильник и полез смотреть сообщения.

Он что-то нашел, взволновался, выругался, схлопотал от строгой мамки за сквернословие полотенчиком, подорвался и побежал в дом. Вернулся в брюках и при табельном оружии.

– Свят, свят, свят! – Тетка Вера закрестилась размашисто и часто – рука аж расплывалась в воздухе, как разгоняющиеся лопасти вертолета.

– Сидите здесь! Ни с места! – Митяй помчался к калитке по прямой, топча морковные грядки – цветочков во дворе практичная тетка Вера не признавала.

С полдороги он вернулся, вырвал из моей закаменевшей руки ключ-кочергу, погрозил им:

– Сидеть, не рыпаться! – И шустро выкатился на улицу.

У него для этого очень подходящая конфигурация – почти шар. Утренний борщ с глазуньей и пирогами – та еще диета.

Будоража деревенских собак, Митяй под задорный многоголосый лай покатился по улочке. Мы с теткой сидели ни живы ни мертвы, прислушивались – ждали свиста, криков, выстрелов. Но так и не дождались.

– Шо це було-то таке? – через некоторое время спросила тетка Вера, из-за переживаний перейдя на «балачку».

Дядя Саша, покойный отец Митяя, сорок лет назад закатился в Пеструхино из кубанской станицы. Тетка у супруга много чего переняла – и говорок, и рецепты.

Я пожала плечами и наконец поставила швабру, осознав,

что все это время продолжала держать ее в высоком замахе.

Дилинь-дилинь! – в доме затрезвонил телефон. Тетка Вера подскочила и, торопливо ковыляя, убрела в дом. Через минуту она высунулась половинкой лица в окно кухни – короткий телефонный шнур не позволял явиться полнолицо – и крикнула:

– Ляська, Митяй говорит – все норм!

– Ничего себе – норм, – пробормотала я. Такого бурного утра у меня не было давненько, может, даже никогда.

– Митяй его взял! Это беглый был, из колонии, к счастью, недалеко ушел!

– Беглый, – повторила я, ощущая легкое головокружение. – К счастью...

Лично у меня о счастье совсем другое представление, но оно почему-то уже много лет остается умозрительным и никак не сбывается.

В моем представлении о счастье прочно обосновались воображаемые муж и дети, двое: мальчик и девочка. Ее я бы назвала Настей или Дашей, а его – Егором или Денисом.

Мужа пусть зовут как угодно, был бы только человек хороший: честный, добрый, непьющий и работающий. А трудиться он может в любой сфере, но лучше, конечно, в какой-нибудь творческо-интеллектуальной, как и я, чтобы нам было о чем поговорить и он не пропадал на работе с утра до вечера, а побольше времени проводил с Машей-Дашей, Егором-Де-

нисом и со мной.

Меня, кстати, зовут Алисой. Для деревенских это слишком изысканно, и они кличут меня Ляской. Я откликаюсь, почему бы и нет – в «Ляске» мне чудится остроумная отсылка к известному выражению «точить лясы», а чем, как не этим самым, занимается нынешняя журналистика?

– Шла бы ты, Ляська, вот хоть за Семена Бурякова, – часто говорит мне тетка Вера, неодобрительно цыкая на цифровую фоторамку, которую я привезла из города и пристроила на столике в красном углу, где у порядочных деревенских стоят попеременно иконки и выцветшие фотки родни.

У меня в фоторамке – набор меняющихся картинок из интернета: хорошенькие чистенькие детки, уютный дом, семейный отдых у моря, взрослая пара на фоне заката (он держит ее за руку, она положила голову ему на плечо), дети играют с котом и собакой...

Очень красивые картинки – помогают мне визуализировать мечты.

Пока, правда, у меня сбылся только кот – персидский, рыжий, толстый, сердитый. Я назвала его в честь шумерского города Шуруппака, который был расположен южнее Ниппура, на берегу Евфрата – в древней Персии. Кот же перс!

А «Поучения Шуруппака» – знаменитая книга, один из важнейших примеров шумерской литературы мудрости, призванной обучать смирению, прививать добродетель и оберегать нравственность.

Мне данных качеств, если честно, несколько не хватает – это мне все постоянно дают понять. Кроме кота Шуруппака, за что ему отдельное спасибо. Кот принимает меня такой, какова я есть. И пить. Пока я его своевременно, вкусно и сытно кормлю и пою, Шуруппак ко мне не в претензии.

Для деревенских, правда, и имя кота моего избыточно изысканно, так что Шуруппака они называют Шурупом. Я же ласково кличу его Шурой, Шуриком – коту все равно, он вообще ни на какие имена не отзывается, реагирует на призывы выборочно и исключительно по собственному желанию.

Кот у меня мудрое животное. Зрелая хвостатая личность. А тетка Вера убеждена, что компании самого зрелого кота относительно молодой женщине недостаточно, и постоянно навязывает мне то Семена Бурякова, то Василия Капустина, то еще кого из местных, сплошь неизысканных.

– Замуж тебе, Ляська, надо срочно. Вот прям бегом! – говорит она, неприязненно косясь на фоторамку с идеальным виртуальным семейством. – Тридцать восемь годков, это ж надо! Да твоя бабка, моя мать, в эти годы уже четвертого рожала!

Я киваю: мол, в курсе. Тем четвертым как раз был мой папа, царство ему небесное.

– Эх, Ляська, Ляська, – тоже вспомнив покойного брата, вздыхает тетка Вера и на какое-то время отстает от меня с разговорами о замужестве.

Она по-своему деликатна, но как-то своеобразно сочета-

ет тактичность с прямолинейностью... Однако что ж я тут расселась да призадумалась? Если дома все норм, пора мне возвращаться.

– Куды? – увидев, что я встала с лавочки, встрепенулась тетка Вера. – А ну, сядь! Сначала поешь, а потом пойдешь.

– Да я дома позавтракаю.

– Знаю я, как ты дома позавтракаешь! Одну печенюшку съешь, литром кофию зальешь – и все это, не отрываясь от своей чертовой машинки!

«Чертовой машинкой» тетка Вера без почтения называет макбук. К дорогой компьютерной технике она относится с нескрываемым подозрением – что это, мол, за надкушенное яблоко на крышке намалякано? Приличную вещь огрызками и объедками не украшают.

Но спорить с теткой Верой по таким основополагающим вопросам бытия, как меню завтрака, бесполезно: задавит живым весом. Митяй не зря такой колобок, в его мамане тоже добрый центнер, я против нее как шахматист против сумоиста – однозначно не выстою. Я даже пытаться не стала и снова села на лавочку.

Чайник, доставленный к прерванному завтраку Митяя, еще не остыл, пироги горкой высились на столе, и заботливая тетка Вера быстро организовала мне основательный прием пищи.

Еле-еле я отвертелась от борща и глазуньи с салом, кое-как сумев ограничить теткино гостеприимство пирогами с

медом и сметаной. И все равно наелась, как удав, так что домой к себе поползла медленно, с трудом волоча ноги.

И швабру, конечно, – не бросать же такой полезный инструмент. Швабра пылила за мной по улице, отродясь не знавшей асфальта, мягко подпрыгивая на кочках и жутко интригуя деревенских собак. Под их брехливый лай мы со шваброй добрались до нашего двора.

Калитка, оставленная нараспашку, висела на одной петле. Неужто это мы со шваброй в неистовом порыве ее сломали? Вообще-то мы могли, конечно... Но вот цветочки в палисаднике безобразно помял точно кто-то другой, мы-то со шваброй летели прямо к цели в лице Митяя...

Ах да! Митяй же проводил тут у нас задержание. Я встревожилась: а ну как и в доме у меня в результате успешно проведенной операции теперь беспорядок?

– М-м-мо!

На перила крыльца взлетел кот Шуруп, он же Шуруппак или Шура, распушился, раздулся, как глубоководная рыба, сузил глаза и хлестнул хвостом, сметая с деревянной поверхности лохмы старой краски: показал, что недоволен.

– Шурик, солнышко, ты как тут?

Рыжее солнышко безмолвно, но выразительно ответило на вопрос: повернувшись ко мне пушистым задом, взбрыкнуло, кануло вниз, вынырнуло у моих ног и ловким движением оплело их, едва меня не обрушив.

– Бедный мой зайчик, напугался? Пришли чужие люди,

шумели тут, котика пугали, цветочки мяли, – я заглянула в дом и выругалась, – блин, мебель роняли и полы все затоптали!

Сама собой определилась новая программа на позднее утро: вместо того чтобы дописывать статью, мне придется снова взяться за уборку. Хорошо хоть свою верную швабру я в бегах не потеряла.

– Ни шагу без швабры, – сказала я Шуре. – Прямо хоть рисуй ее на своем личном гербе. Выйду на пенсию – напишу мемуары «С шваброй по жизни».

Кот презрительно фыркнул и удалился. Он не любит, когда я начинаю разглагольствовать, а я неудержимо болтаю, когда нервничаю, это меня успокаивает.

Я прошла по дому и с облегчением выяснила, что беспорядок ограничивается кухней и сенями. Ну, с этим я быстро справлюсь, успею еще до обеда поработать над статьей...

На сей раз, намывая полы, я закрыла наружную дверь на засов. Хватит с меня незваных гостей, приносящих грязь и беспокойство! Я даже возмущенного Шуруппака выставила на веранду, чтобы он по мокрому не топтался.

Я навела в доме порядок, снова вымыла полы, хотела было привычно ими полюбоваться – а не вышло, поломался мой традиционный кайф! Это меня огорчило. Не так много у меня маленьких радостей, чтобы не ощущать болезненно утрату даже одной из них.

А на дворе было лето. Пышное, позднее, перезревшее, од-

ной босой ногой оно уже стояло в осенней луже, но еще не ощущало дискомфорта и сладко жмурилось на солнышке... Я ощутила, как сильно мое настроение не соответствует моменту, и поняла, что с этим нужно что-то делать.

Скользнувшая по краешку сознания мысль о том, что у меня вообще-то статья недописана, а я обещала сдать ее до конца недели, отлетела за пределы видимости и слышимости, отброшенная воображаемым пинком. Садиться за работу решительно не хотелось и категорически не могло.

Ладно, допишу статью завтра, в субботу, а выходной устрою себе прямо сегодня. В конце концов от перемены мест слагаемых результат не меняется. В доме у меня уже было чисто, обед готовить не требовалось – после плотного завтрака у тетки Веры мне и до ужина не проголодаться – и я решила, что сейчас буду пошло барствовать.

Налью себе бокал хорошего вина – да-да, прямо с утра, как настоящая аристократка-дегенератка! – сяду в плетеное кресло-качалку на веранде и буду любоваться цветами в соседском палисаднике, у бабы Дуси. Между нашими дворами невысокий забор из штакетника, а за ним богатейшая клумба – розы, астры, петунии, выюнки, еще что-то – я в ботанике не разбираюсь.

Баба Дуся тоже тот еще садовник, клумбу она создает по принципу «что вырастет, то вырастет»: по весне щедро посыпает ее разными семенами, без счету и всякой системы закапывает в землю ростки, луковицы и саженцы, а потом да-

ет волю матушке-природе. Она даже не заходит в эти свои джунгли, только время от времени, если становится уж очень жарко, поливает их из шланга прямо с крыльца.

Как ни странно, эта пофигистическая садоводческая тактика себя оправдывает: уже к середине лета на клумбе разливается буйное цветочное море. Хлипкая ограда сдержать его не может, и сквозь широкие щели оно выплескивается и на мой участок.

Мне это только в радость: сама я копать в земле не люблю, а вот смотреть на цветы обожаю. И нюхать их... Петунии, кстати, ближе к вечеру пахнут одуряюще, просто голова кругом!

Предвкушая, как сейчас буду сибаритствовать, я дернула откидную дверцу старого серванта, заменяющего мне бар, и снова огорчилась, обнаружив, что мои винные погреба оскудели. Водка, виски и коньяк у меня еще были, а превосходный массандровский портвейн почти закончился.

Э-эх... С сорокаградусных напитков не начинают день даже аристократы и дегенераты, это удел алкоголиков, причем уже не анонимных, а я ведь не такая.

– Что ж, начну день с променада, – решила я и стала собираться для светского выхода – в магазин. День обещал быть солнечным, но ветреным – в окно я видела, что осинки за забором трясутся и флюгер в виде покривившегося жестяного петуха на крыше соседского дома скрипит и подергивается, не в силах определиться с направлением.

Ветер я не люблю: он лохматит и приводит в безобразное состояние мою и без того не слишком аккуратную шевелюру. Развевающиеся волосы – это только в женских романах красиво, а в моем случае это означает появление на голове гибрида панковского ирокеза и гигантского одуванчика.

Волосы у меня очень светлые, почти белые, и легкие, как пух. Сами по себе, без тонны парикмахерских средств, они не лежат как надо, а собрать их в крепкий хвост невозможно – короткие пряди все равно выбиваются, в ветреную погоду лезут в глаза и хлещут по лицу. Поэтому я дополнила свой скромный наряд – белая футболка, джинсы и кроссовки – очаровательной итальянской косынкой из почти прозрачной ткани.

Конечно, этот стильный и элегантный аксессуар, который любили и Жаклин Кеннеди, и Одри Хепберн, и Брижит Бардо, и даже королева Елизавета Вторая, гораздо лучше смотрелся бы с женственным платьем. И у меня имелось несколько подходящих – шелковых, хлопковых и штапельных, белых, бежевых и в мелкий цветочек, но среди моих соседок, увы, не значатся ни мадам Кеннеди, ни Одри, ни Брижит, ни тем более королева Англии. Страшно далеки они от народа деревни Пеструхино...

А отечественные деревенские дамы мелкий цветочек одобряют лишь как расцветку постельного белья, а все оттенки бежевого воспринимают как результат некачественной стирки. Что до собственного белого, то в нем и в полу-

прозрачной серебристой косыночке я вызвала бы слишком много предположений и вопросов.

Проверено: я как-то выплыла на прогулку в белом хлопке с кружевами и той самой итальянской косыночке, так тетка Вера первая выскочила из-за забора, как Петрушка в кукольном театре, с радостным криком: «Ляська, да ты никак наконец к алтарю собралась?!» Будоражить общественность мне не хотелось.

Хотелось быстро смотаться в магазин, купить бутылочку хорошего крымского вина, не уважаемого деревенскими за дороговизну и потому застаивающегося на полках мне на радость, а потом реализовать свой скромный план А с бокалом, качалкой и цветочками. Сунув в карман кошелек, я заперла дверь и отправилась в магазин.

Наивная! Общественность я будоражить не хотела! Ха! Деревенская общественность уже была взбудоражена, я только не сразу поняла, чем именно.

Просвещать меня никто не спешил – подругами среди местных дам я еще не обзавелась, при встречах на улице или в том же магазине ограничивалась вежливым приветствием.

Обычно девки, тетки и бабки со мной тоже здоровались или хотя бы кивали, не устаивая меня какого-то особого внимания и не отвлекаясь от своих текущих дел и забот – развешивания на просушку свежевystиранного белья, прополки огородика, выпаса коз, кур или внуков, болтовни через забор с соседкой и так далее.

Но не сегодня! На сей раз при моем появлении болтающие соседки замолкали и провожали меня долгими взглядами, а затем начинали куда более оживленно шептаться. Тетка с бельем, засмотревшись на меня, уронила в лопухи мокрый пододеяльник. А бабка, охаживавшая хворостиной козу, бросила инструмент воспитания, подобрала юбки и умелась в дом, покинув озадаченную этим скотину на произвол судьбы. Даже та самая коза уставилась на меня с откровенным недоумением. Неужто это моя итальянская косыночка такой сокрушительный эффект производит?

Озираясь и пожимая плечами, я дошла до магазина: там недоразумение могло проясниться. Деревенский магазин – это же как почта, арсенал и телеграф в одном флаконе. Захватываешь его – и весь мир твой. Хотя для захвата обычно приходится постоять в очереди: в Пеструхине всего два магазина, и этот более популярный, хотя и менее удобный.

Вторая торговая точка расположена у дороги на райцентр и представляет из себя мини-маркет со стеклянными стенами, а тут у нас классический купеческий лабаз в миниатюре: массивные стены, дверь с перекладиной на пудовом навесном замке и одно небольшое окно, то и дело наполовину закрытое фанеркой с рукописным текстом «Прием товара» или «Отошла на 5 минут». На каждой стороне фанерки по объявлению, очень удобно.

Но вторая надпись – стопроцентный обман, за пять минут от магазина в режиме «туда и обратно» сходить просто неку-

да, он гордо высится на пустыре. Пустырь, судя по нарядной табличке на длинноногом столбике, важно называется «Ярмарочная площадь», но лично я там никаких торгово-увеселительных мероприятий никогда не наблюдала. Может, они случались прежде, до карантина, не знаю, я тогда в Пеструхине не жила, лишь изредка в гости к родственникам наезжала.

Домик в деревне я купила вскоре после карантина, который с большим трудом и ущербом для нервной системы – и своей, и кота – кое-как пережила в городской «однушке» без балкона.

Шура, бедный мой Шуруппак, был настолько сильно травмирован необходимостью постоянно и неотлучно пребывать в одном ограниченном пространстве со мной, любимой, что начал линять, как весенняя белка. Я замучилась собирать по дому клочья рыжей шерсти, смотреть в тоскливые зеленые глаза и выдумывать изыски, которыми можно разнообразить кошачье меню и взбодрить несчастное животное. Как только карантин закончился, мы с Шурой рванули в деревню к тетке Вере, а уж она надоумила нас купить домишко по соседству.

– Не барские хоромы, конечно, – агитируя меня на переезд, с достоинством отмечала родственница, – но всяко попросторнее твоей городской конуры. И садик есть, и огорожок, и мы с Митяем рядом будем, чем сможем – подсобим всегда, чай, не чужие люди, а родная кровушка...

Домишко продавался срочно, цену за него просили неве-

ликую, моих сбережений как раз хватало. Я решила, что это знак, и стала домовладелицей. Правильное ли это было решение – не знаю, время покажет. Но Шуруппаку деревенская жизнь понравилась. Линять он перестал, наоборот, замеховел и потолстел.

И то сказать, не потолстеть на деревенских харчах сложно... С этой тревожной мыслью я ущипнула себя за бочок – не отложились ли на нем уже утренние теткинны пироги? – и решила, что ничего, кроме бутылочки вина, покупать не буду.

Морщась от того, что слегка перестаралась со щипком, я вошла в магазин и встала в очередь. Три тетки, образующие ее, тут же оглянулись и через плечо уставились на меня. Они потаращились, вразнобой покивав на мое вежливое «доброе утро!», а потом скучковались, нарушив четкое линейное построение, и зашушукались. Да в чем дело-то? Что сегодня с бабами такое?

На всякий случай я внимательно посмотрела на свое отражение в витрине с колбасными изделиями. Свет мой зеркальце из нее получилось так себе, мутное, но вроде бы выглядела я нормально. Не милее всех на свете, не белее и не румянее, но и не дурнее толстой бабы в калошах на босу ногу, мужской футболке и линялых велосипедках, вставшей в очередь за мной.

При этом на бабу в калошах никто и внимания не обратил! А на меня продолжали посматривать, перемежая взгля-

ды конспиративным шушуканьем.

Терзаясь смутными сомнениями и испытывая нарастающий дискомфорт, я кое-как дождалась, пока все впереди стоящие и назад оглядывающиеся отоварятся. Увы, из магазина они не вышли, а рассредоточились по помещению, продолжая бросать на меня любопытные взгляды.

– Ну, что?! – не выдержав, сердито выдохнула я в мясистое лицо продавщицы Любани, уставившейся на меня во все глаза.

– Это я должна спросить – что? – густым голосом прогулочного теплохода пробасила Любаня – женщина большая и крепкая, в одном лице и продавец, и грузчик, и, если надо, вышибала.

– В смысле?

– Брать что будешь?

– Вон тот портвейн. – Я указала на полку со спиртным в тылу Любани, целясь в бутылку, щедро усыпанную нарисованными медальками.

Бабы, рассредоточившиеся было по магазину, сползлись в кучку, как примагниченные, завздохали и заахали.

– Пить будешь? – со стуком переставив затребованную бутылку на прилавок, прямо спросила Любаня.

– Буду, – не стала закипать я.

– С горя или с радости? – Любаня неожиданно мне подмигнула.

Бабы придвинулись ближе.

– В смысле?

Продавщица неожиданно смутилась:

– Ну, мож тебе понравилось...

– Что? – Я ничего не понимала.

– Ну это ваше... бац-бац, трах-бах...

– Да что ж ты, Любка, такое городишь, а?! – возмутилась вдруг толстуха за моей спиной. – Какой же бабе понравится, когда ее сильничают?!

– Чего?! – Я обернулась к непрошеной защитнице.

– Ну, без согласия это самое... бац-бац, трах-тарарах, – сочувственно сказала толстуха. – Я тебя, девка, понимаю. У меня первый муж был такой, никогда и не спросит, сразу юбку задирать и на кровать валить. Уж как я рада была, когда он помер, кобель похотливый!

Зрительницы-слушательницы разом перекрестились и укоризненно зацокали.

– Знаю, нельзя так говорить, а только правда это: радовалась я смертушке евойной, сама бы гада прибила! – Толстуха не затруднилась выдать новое шокирующее откровение.

– Так и она, говорят, его чуть не прибила! – кивнула на меня Любаня. – Дрыном по кумполу долбанула, как мама не горюй!

– Шваброй, – машинально поправила я, уяснив наконец, какой-такой сюжет мы обсуждаем.

– Что, правда?! – Любаня грудью страстно налегла на прилавок. Тот затрещал.

– Про швабру – правда, – подтвердила я, доставая из кошелька купюры, чтобы расплатиться за вино: пластиковые карточки в магазине-лабазе не принимали. – А про бац-бац в смысле трах-тарарах – вранье, чья-то выдумка. Не было у нас с ним ничего такого!

– Поня-а-а-атно. – Любаня неловко – не отрывая от меня восторженного взора – отсчитала сдачу и сунула прямо в руки бутылку. – Но ты выпей, выпей... Хуже не будет...

– Спасибо, – поблагодарила я разом и за обслуживание, и за совет, и за трогательное внимание к моей личной жизни.

Бабы расступились, я вышла из магазина и, вся кипя, пошла прочь, нервно размахивая бутылкой.

Ай да Митяй! Ай да братец, по совместительству участковый! Это же он, не иначе, на радостях от успешного задержания сболтнул кому-то про бац-бац, и противную сплетню теперь уже не остановить – она будет ходить по деревне годами, обрастая подробностями и превращаясь в эпический сказ «Про бац-бац в Пеструхине, или Как Ляська охальника беглого дрыном по кумполу долбанула»!

Все, я уже без пяти минут героиня местного фольклора. Надо же, а? Иные люди за всю жизнь ни одного упоминания в летописях не достаиваются, а я в Пеструхине всего два месяца прожила – и нате вам!

– Вот с-спас-с-сибо тебе, Митяй! – рассерженной змеей шипела я, на ходу репетируя грядущий разговор с народным сказителем-участковым. – Ш-ш-штоб я без тебя делала, а?

Прозябала бы в неизвес-с-с-тности!

Сердито бормоча себе под нос, я даже не заметила рычания автомобильного мотора за спиной, отреагировала только на сигнал клаксона.

Я шустро отскочила, в прыжке обернулась и увидела синюю «девятку» участкового. О, на ловца и зверь!

Митяй головой и одним локтем высунулся в окошко и, увидев, что я его наконец заметила, вздохнул с прискорбием:

– Ляська, ты вроде еще не бабка, а уже глухая!

Бутылка в моей руке сама собой перевернулась, укладываясь в ладонь горлышком вниз – очень удобно для ближнего боя.

– Ты че, э, ты че? – заволновался Митяй, совершенно правильно оценив мои манипуляции с бутылкой.

Он даже дернулся, включил заднюю скорость и отодвинулся от меня вместе со своей колымагой на безопасное расстояние.

Я прищурилась и взвесила бутылку в руке, прикидывая, доброшу или не доброшу? В школе по физкультуре у нас был такой зачет – метание гранаты. Помнится, я его сдала, хоть и с третьей попытки. Мало я вина взяла. Надо было не одну бутылку, а три...

– Тьфу ты, психическая! – выругался Митяй и откатился еще метров на двадцать.

Я мягким тигриным шагом пошла к нему – с бутылкой в замахе и самым зверским выражением лица.

– Алиса Юрьевна, вы в уме ли?! – Участковый (вот не брат он мне более, не брат!) вывалился в распахнутую дверцу, по продавленной колее отважно покатился мне навстречу на своих двоих, широко раскинув руки, чтобы прикрыть своего четырехколесного друга, и рокоча, точно шар в боулинге. – Вы на кого бутылку поднимаете? На представителя службы охраны правопорядка! На сотрудника полиции! При исполнении, между прочим!

– Все, ты доисполнялся уже! – рывкнула я в макушку подкатившего представителя и сотрудника – Митяй ниже меня сантиметров на пятнадцать.

Белые пушистые – фамильные! – волосики на голове небрата-мне-более нервно взвихрились.

– Лясь, ты че, а? – Участковый снизу вверх выкатил на меня голубые глаза.

Я вздохнула.

Строить жалобные глазки Митяй научился еще в детстве, когда был тощим белобрысым шпеньдиком, в которого плюнь – и зашибешь. Глазки у него дивные – лазоревые, лаковые, как садовые незабудки, девке бы такие, вот хотя бы мне, к примеру. Во взрослой жизни, я так понимаю, у Митяя мало поводов показать кому-то красоту своих глазок, а ведь это по-прежнему сокрушительное оружие.

Я опустила бутылку.

– Митя, ты в курсе, что вся деревня обсуждает утренний визит твоего беглого в мой мирный дом?

– И че? – Участковый ловко вывернул из моей руки бутылку и одобрительно присвистнул, глянув на медальки. – Деревня все обсуждает. Манька Суслова вон белугой рыдает, у ней корова разродиться не может, а Пальваныч, зоотехник, как раз в запой ушел. Вся деревня обсуждает их – и Маньку, и Пальваныча, и даже корову. С кем она, дура, гуляла, что разродиться не может?

– А какие варианты? – озадачилась я.

– Ну, к нам в прошлом году передвижной цирк приезжал, там бегемот был и жираф.

Тут до меня дошло, чем мы сейчас занимаемся: вносим посильный вклад в устное народное творчество – рожаем сказ «Как Манькина корова-дура с бегемотом гуляла». Или с жирафом, тоже интересная история получилась бы.

– Болтаете вы тут много и все не по делу, – сказала я сердито.

– А ты записывай, записывай, потом книжку сказок издашь, – посоветовал Митяй, залезая в свою машину.

С моей бутылкой, между прочим! Я, разумеется, тоже полезла в салон – за Митяем и за бутылкой.

– Ты домой? – миролюбиво спросил участковый, переключая передачу.

– Угу. – Я повозилась, устраиваясь поудобнее.

То ли сиденье в допотопной «девятке» продавленное, то ли у меня целлюлит уже такой выдающийся... А, нет! Это же я сунула в задний карман вещицу, найденную при повторном

МЫТЬЕ ПОЛОВ.

– Не твое? – Я показала находку Митяю.

– А че это? – Он цапнул вещицу, продолжая рулить одной рукой.

– Не знаю, какое-то деревянное зодчество. В углу валялось, я подобрала. Забирай, мне чужого не надо.

– Думаешь, это мое? – Митяй повертел шутовинку перед глазами и насмешливо закричал. – Какое интересное у тебя, Ляська, представление о табельном снаряжении участкового! Хорош бы я был с таким свистком!

– А это свисток? – Я отобрала у него вещицу и рассмотрела внимательно.

Деревянная, резная, гладкая и блестящая от слишком толстого слоя лака – то ли птичка, то ли какая-то другая живность, до неузнаваемости изувеченная буйной творческой фантазией автора. Посмотришь – и поверишь, что коровы могут спариваться с жирафами и рожать от них неведомых зверушек: гибридных корово-жирафов – корафов. Или жиров. А также бегеров и коромотов, но это уже как результат адюльтеров с бегемотами, которых также называют гиппопотамами, а значит, их с коровами дети могут быть и гиппоровами, и коротамами... Тьфу, опять я болтаю безудержно – значит, не успокоилась еще.

– Свистулька это, – уверенно сказал Митяй.

Он деревенский, всякого тут навиделся и наслушался. Его даже гиппоровами с коромотами не удивишь.

– Лясь, да ты дунь в нее.

– С ума сошел? Она же на полу валялась.

– В бардачке антисептик.

Я покосилась на Митяя – надо же, антисептик у него! Я до сих пор не встречала в Пеструхине сторонников дезинфекции и масочного режима! – и открыла бардачок.

Там в самом деле лежали полуведерный флакон геля, пачка антибактериальных салфеток и одинокая одноразовая маска – помятая, пыльная, заношенная и даже, кажется, застиранная. Может быть, и заштопанная, я не приглядывалась.

Обрабатывать деревянную штучку едким гелем я не стала – она же лаковая, еще облезет, – но тщательно протерла то ли жирафью шейку, то ли коровью ножку – короче, что-то торчащее – влажной салфеткой.

– Дуй, – велел Митяй, поглядывая на меня с детским интересом.

Я дунула.

– Больше не дуй, – попросил он, страдальчески морщась. – Ну и звук! Как ножом по стеклу и серпом по... хм... самому дорогому одним разом!

– Не музыкальный инструмент, – согласилась я. – Говоришь, не твой?

– Ясно дело, не мой. Это же детская игрушка.

– Это?! – ужаснулась я.

Боже, бедные те дети, у которых такие игрушки!

Это же акустическое оружие, напрочь разрушающее нервную систему! Да под такие звуки просто невозможно вырасти нормальным человеком!

– Старинная народная игрушка, – подтвердил Митяй.

Я фыркнула. Теперь понятно, откуда у наших деревенских такие странные фантазии – то про коров с жирафами, то про бац-бац с трах-тарарахом. Мало что так искажает картину мира, как такая психотропная свистулька в качестве камертона. Да-а-а, кому это норма с детства, тот навеки потерян для прогрессивного человечества...

– В твоём доме раньше мамка с малым жила, небось его игрушка, – сказал Митяй, ускоряясь, и уже через минуту затормозил у моей калитки.

Он честно вернул мне бутылку:

– Приехали. Топай, Ляська, к себе. Да смотри: напьешься – не буянь, у нас деревня мирная!

– Тишь, гладь, божья благодать! – съязвила я, вылезла из машины и пошла к себе, вооруженная и очень опасная – в одной руке бутылка, в другой психотропная свистулька.

Пополню ею свою оружейную, не одной же боевой швабре там храниться.

В общем, устроиться на веранде с бокалом вина у меня получилось уже не утром, а в обеденный час. И именно этим, а вовсе не количеством выпитого, объясняется тот факт, что я крепко и сладко задремала в качалке.

Тихий час – привычка, которую у меня выработали еще добросовестные воспитатели в детском саду. Потом долгие годы без возможности прикорнуть после обеда я если не страдала, то ощущала заметный дискомфорт. И вот фриланс с карантинном – два в одном – вернули мне эту тихую радость. Не было, как говорится, счастья, да несчастье помогло.

Сидя на веранде с подветренной стороны, я не мерзла, наоборот – меня согревало ласковое августовское солнышко. Золотые лучики крепко заплели мои ресницы, птичье пение сложилось в прелестную колыбельную песенку, на коленях у меня теплой меховой накидкой разлегся кот – спи – не хочу!

Я и спала, пока меня не разбудил скрипучий голос:

– Ля-а-а-ся! Ля-а-а-ся!

– А? – Я проснулась, подскочила, дернулась куда-то бежать и, разумеется, споткнулась.

Вот правильно говорит тетка Вера: нельзя бросать что попало где придется! А я то швабру на пороге оставляю, то пустой бокал под ногами. Ему не повезло – от моего пинка он усвистел аж в соседскую клумбу. Надеюсь, не разбился, характерного звука не слышалось, все же он на мягкое упал – в густую зелень и цветочки. Надо будет залезть в эти зелены и поискать там, это же был мой любимый бокал, пузатенький, с золотой каемочкой...

– Ля-а-а-сь!

Я с сожалением отказалась от мысли отправиться с поисковой экспедицией в цветочные джунгли сейчас же: это сле-

довало сделать втайне от бабы Дуся, которая никому, даже родному внуку Семену, не дает свою клумбу на поругание.

А прямо сейчас она торчала в своем окошке, как тетя Валя из «Спокойной ночи, малыши!» на голубом экране – большое сходство с популярной когда-то телеведущей ей придавали пышная седая шевелюра, широкая добрая улыбка и песик Бусик – один-в-один клон поросенка Хрюши.

Этот помесь чихуахуа и мопса, но от чистокровного свиенка неотличим ни на вид, ни на звук: он даже хрюкает! Такая у него странная одышка. А с тех пор, как заботливая хозяйка в борьбе в клещах искупала Бусика в растворе марганцовки, у него и цвет самый что ни на есть пороссячий – нежно-розовый. В сочетании с широко развернутыми свинячьими ушками – вылитый Хрюша!

– Ну Ля-а-ася!

– Здравствуйте, баб Дуся! Бусик, привет! – Я помахала в «телевизор» за штaketником, но отделаться одним вежливым приветствием не получилось.

Баба Дуся настойчиво звала меня не для того, чтобы получить одно только «здрaсте», ей хотелось полноценной беседы. И то сказать – нет большей роскоши, чем человеческое общение. А с кем старушке общаться? Из человеческих особей рядом с ней только внук Семен, а он не слишком разговорчив.

Это, кстати, одна из причин, почему я отказываюсь рассматривать Семена Бурякова как кандидата в мои женихи.

Куда мне в мужья молчуна? Я же язык сотру, если придется болтать за двоих.

Хотя Семен мне, если честно, вообще не нравится. Какой-то мрачный он, угрюмый. И бородатый! Молчит и зыркает исподлобья – ну, чисто Герасим, задумавший недоброе в отношении Му-Му. На месте Бусика я бы, к слову, беспокоилась...

Я подошла поближе, оперлась на разделительный штакетник и приготовилась к долгому разговору. Баба Дуся глуховата, в беседе с ней реплики часто приходится повторять, и это затягивает диалог.

– Ляся, что за шум у тебя был сегодня? – спросила старуха.

Надо же! Тугоухая бабушка расслышала шум, это как же я грохотала своей боевой шваброй?!

– Когда, утром? – Я попыталась затянуть с ответом, сообщая, что говорить, а что не стоит.

С одной стороны, как только баба Дуся пообщается с кем-то из деревенских, ее просветят относительно моих утренних приключений, причем изложат гадкую фантазийную версию с бац-бац и так далее. Пожалуй, лучше я сама расскажу, как было на самом деле.

С другой стороны, надо ли нервировать старенькую бабушку сообщением про незваного гостя – какого-то беглого каторжника? Наверное, это ни к чему...

Готовясь соврать, я отвела глаза от «голубого экрана»

и увидела в соседнем окне Семена: он мотал головой, выразительно приложив палец к губам. Значит, тоже считает, что мне не стоит рассказывать его бабушке о событиях сегодняшнего бурного утра.

– Это я полы мыла! И ведро со шваброй на пороге бросила так, что не запнуться не вышло! – громко сказала я, практически не соврав.

Всего лишь умолчала, кто именно пал в итоге: не я, а го-стюшка незваный, боевой шваброй щедро пристукнутый.

– А приходил к тебе кто? – не удовольствовалась моим ответом любопытная бабуся.

– Митяй Пеструхин, брат мой! – И снова правда, только правда.

Дальше откровенно врать не пришлось, баба Дуся не стала спрашивать о цели визита ко мне Митяя, переключившись на другую интересную тему:

– Он как, жениться еще не собрался?

– Вроде нет...

Я покосилась на Семена в соседнем окне. Тот скривился. Все правильно, Семен и Митяй почти ровесники и пацанами дружили, а теперь оба неприлично долго холостякуют. Для бабы Дуси это больная тема, она спит и видит, как бы женить Семена хоть на ком-то. Ее, если верить тетке Вере, даже моя кандидатура устроит – на безрыбье, как говорится... Вот, кстати, надо мне от бабы Дуси линять, пока она режим свахи не включила.

– Да ты заходи к нам, Ляшенька, чаю все вместе попьем, Семен мой запеканку сделал такую вкусную, пальчики оближешь! – тут же оправдала мои опасения соседка. – Золотые руки у парня, все может: и по хозяйству, и в доме, повезет его жене!

Ну, вот, началось!

– Я не могу сейчас, баб Дуся! У меня там...

Я потыкала большим пальцем назад, за плечо, спешно соображая, что у меня там какой-токой важный процесс, требующий моего неотлучного присутствия?

О, придумала:

– ...варенье варится, вот что! Надо следить и помешивать, помешивать!

Для наглядности и убедительности широким круговым движением показывая, как именно надо помешивать варенье, я задним ходом шустро отступила от штакетника, только у своего крыльца развернулась и быстро шмыгнула в дом.

Фу-у-ух...

В сенях я шумно выдохнула и сказала Шуруппаку, выглянувшему из кухни:

– Теперь придется имитировать варку варенья! Вот не было заботы...

– А какое варенье, Лясь? – донеслось от соседей.

Какое, какое... Воображаемое!

Досадуя на приставучую бабушку, я прошла в кухню и наскоро провела ревизию своих припасов. Из даров природы

у меня в достаточном количестве имелись только картошка, морковка, капуста и лук – все с огорода тетки Веры, экологически чистое, вкусное, но для изготовления варенья непригодное.

У бабы Дуси слух плохой, а нюх замечательный, она же теперь вся в ожидании характерных ароматов, сидит и носом шевелит любознательно...

Закипятить, что ли, остатки ликерного вина? Запах будет сильный и приятный, не фруктовый, конечно, но я могу сказать, что это такое экспериментальное варенье – виноградное.

Хотя откуда у меня тут виноград? Скажу – из города привезла. Но бабка же захочет попробовать экспериментальное виноградное варенье... А я скажу – опытную партию варила, очень маленькую, сама все сразу и съела, так вкусно вышло!

Я поболтала вино в бутылке, посмотрела через стекло на просвет: меньше половины выпила, еще на пару посиделок в качалке хватит... «Черный доктор», лучший крымский портвейн...

Переводить роскошный напиток было жалко, но и откровенно обманывать старушку-соседку не хотелось. С этими непристойными деревенскими сказками у меня и без того теперь дурная репутация, к чему ее еще ухудшать...

Пока я размышляла, в оконное стекло кто-то тихо побарабанил. Опять незваный гость?! Я поставила бутылку и искала глазами швабру. Хоть ходи с ней постоянно, как про-

фессиональный ратник с верным мечом! Соорудить, что ли, себе специальные ножны для этой швабры? С креплением на спине, как у Леголаса, он так свой верный эльфийский лук носит, и, видно, удобно ему...

– Эй, соседка!

Я узнала голос Семена Бурякова и выглянула в окошко, как была – невооруженной. В самом деле, Семен стоит, а в руках – большая эмалированная миска с яблоками.

– На, держи! Это на варенье! – Сосед поднял свою ношу, передал ее мне через окно, подмигнул и ушел за угол.

А он сообразительный, этот Семен Буряков! Вишь, смекнул, что к чему, и поддержал мою версию про варенье!

Приятно удивленная – думала, что Семен угрюмый тупица, – я поставила миску с яблоками на стол и прошла по комнатам, через окна отслеживая уход соседа.

Сообразительный Семен проложил маршрут таким образом, чтобы баба Дуся из окна своей комнаты не увидела его: и пришел, и ушел огородами. Наши участки – мой и Буряковых – в тылу смыкаются, и там между ними вообще никакой ограды, даже дырявого штакетника не имеется.

Может, надо поставить по всему периметру нормальный забор? Оградить, так сказать, свою частную собственность от разного рода вторжений? Может, и надо, но неохота возиться, да и денег жалко. И потом, если я поставлю глухой забор, то лишусь роскошного вида на соседские цветочки.

Размышляя таким образом, я помыла и порезала дары Се-

мена, засыпала их сахаром и поставила вариться. Увлеклась и все-таки плеснула в кастрюлю с яблоками немного портвейна – пусть будет эксперимент!

Яблоки с портвейном пахли восхитительно! Я пошире открыла окно и даже распахнула двери, чтобы дивный аромат, реабилитирующий меня как женщину честную хотя бы в глазах одной соседки, непременно дошел до бабы Дуси, и села в кухне читать книжку, периодически вставая, чтобы помешать душистое варено в кастрюле.

Благодать!

Телефон зазвонил уже в сумерках.

– Митяй! – обрадовалась я. – Ты очень вовремя!

Я как раз сообразила, что у меня нет никаких банок для варенья, и собиралась звонить брату, узнавать через него, не поделится ли со мной стеклотарой домовитая и запасливая тетка Вера. У нее своего мобильного нет, приходится в таких случаях коммуницировать через Митяя.

– Я вовремя? Нам, полицейским, редко кто такое говорит! – порадовался он.

– Мить, спроси у тетя Веры, у нее есть лишние банки...

– Да погоди ты с банками, заводами и пароходами, – даже не дослушав, отмахнулся от меня Митяй. – Я тебе по делу звоню, как официальное лицо. Ты заявление подавать собираешься?

– Какое заявление? – Мне вспомнились матримониальные планы бабы Дуси и тетки Веры. – В ЗАГС?

– Чур меня! – испугался Митяй. – Да и тебя тоже, что там хорошего, в том ЗАГСе... Я про нашу утреннюю историю. Будешь заявлять на того мужика?

– А, на беглого?

– Гм. – Митяй смущенно кашлянул. – Он, как оказалось, не беглый был, а только что освободившийся. Но теперь, похоже, назад за решетку отправится.

– За что?

– Ну, привет! Он к тебе в дом вломился, холодным оружием угрожал – я нож-то нашел, подобрал, все, как надо, оформил. Но без твоего заявления не обойтись, ты же понимаешь!

– Э-э-э, видишь ли, Митя...

Я задумалась.

– Ну? Не вижу, не слышу, говори уже! – поторопил меня участковый.

– Я, знаешь, не уверена уже, что он хотел на меня напасть, – призналась я.

– Он с ножом к тебе влез!

– Он вообще-то не влез, а просто вошел, дверь открыта была. Нож – да, держал... Но, может, он им розу срезал. Я, когда полы мыла, под стулом розу нашла, решила, что она из вазы выпала, а теперь думаю – нет, не было у меня в вазе никакой розы, я вчера хризантему на стол поставила, – зачистила я, волнуясь.

– Стоп машина! – осадил меня участковый. – Я не по-

нял, этот хмырь к тебе с цветами явился?! Знакомый, что ли, твой? Поклонник, может?

– Вот тут не отвечу, знакомый или нет, я его, если честно, вообще не рассмотрела, – призналась я. – Запомнила только жуткие чоботы, их я точно в первый раз видела, дай бог, чтоб и в последний...

– Чоботы не показатель, мужик только-только откинулся, ему там модное шмотье на выход никто не припас, – рассудил Митяй. – А рожу, значит, ты не разглядела? Фамилия Соколов тебе часом ничего не говорит?

– Много чего говорит, у меня в телефонной книжке разных Соколовых человек пять, не меньше. Этого как зовут?

– Андрей Петрович.

– Точно Андрей, не Максим? Максим Соколов – директор выставочного центра «Плеяды».

– Точно Андрей, не Максим, – Митяй посопел в трубку. – То есть, я так понимаю, заявление ты писать не будешь?

– Не буду, – подтвердила я.

– Ну и ладно, мне же меньше работы. – Он не стал меня уговаривать. – Так, а с банком что?

– С каким банком?

– Ты хотела у мамани что-то спросить...

– Да не про банк! Про банки! Стеклянные такие, лучше всего литровые, штуки три. Мне для варенья надо.

– А ты умеешь делать варенье? – обидно удивился братец и заорал: – Мать, Ляське банки для варенья нужны, у тебя

есть? – И после паузы сказал мне уже нормальным голосом: – Она говорит – есть, прибегай, заодно поужинаешь с нами.

– А что...

– Котлеты с пюре.

– Уже бегу!

Я отключилась, сунула мобильник в карман и заметалась по кухне, соображая, какой взять гостинец, чтобы не идти на котлеты и за банками с пустыми руками. В холодильнике был французский сыр с плесенью и гусиный паштет с трюфелями, но эти изыски тетка Вера и Митяй не оценят.

А, вспомнила, в баре есть коробка шоколадных конфет! С ней я и отправилась на званый ужин к родне.

– А Митяй?

Я заметила, что за столом нет главного едока, и заподозрила, что в его отсутствие тетка Вера попытается возложить миссию по истреблению наготовленного на меня. А на столе, как водится в этом семействе, пустого места не было.

– Убег, – развела руками хлебосольная хозяйка. – Ему Семка Буряков позвонил. Что-то срочное, Митяй мне не сказал. Надеюсь, бабка Семкина не преставилась.

– Баба Дуся-то? Живее всех живых, – успокоила я ее.

– А псина ейная? Старуха же носится с ней, как с писаной торбой. Небось, если псина околеет, трагедия будет.

– С Бусиком тоже все в порядке, я совсем недавно видела обеих... Все, хватит, куда мне, тетя Вера, я столько не съем! – Я не позволила тетке похоронить свою тарелку под

могучим курганом картофельного пюре.

– Ешь! – Тетка ловко облицевала курган тремя котлетами – здоровыми, с ладонь. – Худая, как жираф, смотреть тошно.

– А некоторым жирафы очень нравятся, – пробурчала я, имея в виду главным образом чью-то там легендарную корову.

Сама-то я от этих африканских длинношеих не в восторге. Мне симпатичны приятные на вид и на ощупь упитанные меховые животные вроде моего кота – достаточно компактные, чтобы их удобно было тискать.

– Ешь, ешь! – Тетка Вера подперла голову кулаком и уставилась на меня, часто моргая. – Котлеты по мамкиному рецепту, Юрка, папаня твой, их так люби-и-ил...

– Вот только реветь не надо, ладно? – попросила я, добросовестно расправляясь с котлетой. – Я тоже по папе скучаю, но не реву же.

– Так тебе-то уже муж нужен, а не папа, а я баба старая, вдовая, мне без родного братика, без плеча его крепкого, надежного, горе горькое, – запричитала тетка, смахнув невидимую слезинку.

– Вы опять сериал какой-то душераздирающий по телику смотрели? – догадалась я.

– Ну! А че? – тут же ошетибилась тетка. Она знает, что я телесериалы, особенно отечественные, не уважаю. – «Родную кровинку» смотрела, там как раз Вася бросил Тасю, а она вторым беременная, и что ей делать теперь – непонятно,

одна надежда на Федю, но он же на севере!

– А все остальные где? В Индии? – поинтересовалась я.

Пусть лучше тетка Вера сериал мне пересказывает, чем растравляет нашу с ней общую грусть-тоску по моему папе, ее младшему брату.

– Почему в Индии? В Среднем Новгороде, – опешила благодарная телезрительница.

– Нет у нас в стране такого города. – Я принялась за вторую котлету. – Есть просто Новгород и Нижний, никакого Среднего.

– В кино все может быть.

– Вот! Вы сами сказали – в кино! – Я назидательно подняла вилку, и тетка тут же проворно нанизала на нее соленый огурчик. – Спасибо... Не надо путать сериальное с реальным и переживать по поводу того, что происходит в телевизоре.

– Ну, как скажешь, – подозрительно легко согласилась тетка. – Тогда давай про то, что в реальности. Митяй сказал, тебе банки нужны, а из чего же ты варенье варила?

Оп-па... Я едва не подавилась. Право, лучше бы мы сериальных Тасю с Васей и Федей обсуждали!

Но от тетки Веры разве что утаишь? Лучше честно признаться:

– Мне соседи яблоч дали.

– Кто, бабка? Или Семка? – Тетка Вера была в цель без промаху.

– Семен, – неохотно призналась я.

– О-о-о! – возликовала тетка. – Че-то слаживается у вас, да? Семка так просто баранкой гнутой не поделится, он с малолетства жадный, как Кощей. Или яблоки те червивые, гнилые, паданки?

– Нет, отличные яблоки.

– О-о-о! Тогда точно, Семка обхаживать тебя начал. – Тетка Вера прямо вся расцвела, раздурманилась, засветилась. – Ну, бог даст и сойдется, то-то радость всем будет...

Кому – всем? Я как-то не испытывала радости при мысли о том, чтобы сойтись с Семеном.

– Все, мне пора. – Я отодвинулась от стола. – Работы непочатый край, коромот не валялся...

– Хтось?!

– Нихтось! Ни коромот, ни бегераф – ни одна скотина, в общем. Мне надо было статью сегодня закончить, а я ни строчки не написала.

– Для газеты? – Тон тетки Веры стал почтительным.

Газеты она по старой памяти уважает. Они здесь, в деревне, по-прежнему нужны и важны – если не используются для чтения, то идут на растопку и подтирку. Вот, кстати, именно в деревне даже самая бестолковая газетная публикация имеет наивысшие шансы быть прочитанной! Правда, не обязательно целиком. На месте верстальщиков я бы учитывала этот нюанс и размещала материалы так, чтобы при разрезании страниц на удобные для использования в сортире бумажки текст сохранялся максимально полно...

– Для нее, – подтвердила я, не вдаваясь в объяснения. – Спасибо большое за вкусный ужин, пошла я...

– А котлетку, котлетку-то возьми! – опомнилась и засуетилась тетка. – Шурупнику-то! Небось кормишь несчастного котика одной ерундой из пакетиков...

– Эта его «ерунда» по цене как шашлык! – обиделась я.

– Что ж ты сама не ешь ее вместо шашлыка, а? На, отнеси котику. – Тетка Вера вручила мне какую-то винтажную посудину – не то судочек, не то котелок с крышкой.

Судя по весу, там не то что котику – тигрику хватило бы. В другую руку тетка сунула мне сетку с банками.

Я сердечно, но коротко поблагодарила заботливую родственницу и пошла к себе, предвкушая, как мы с Шуруппаком сейчас устроимся на веранде – я в качалке, он у меня на коленях, в животе у него котлета, у меня в руке бокал...

Бокал же, ё-моё! Надо срочно добыть его из цветочных джунглей, а то весь мой налаженный церемониал ломается напрочь.

Решено: как только соседи лягут спать, возьму фонарик и обшарю их клумбу. Ждать недолго, деревенские ложатся с курами, чуть стемнеет – и на бочок. А сумерки уже основательно сгустились, я даже не сразу разглядела темную массу у своих ворот. Ой, кто это тут у нас такой большой?

Внутренний голос с готовностью заблажил про коромотов с бегерафами, не к ночи будь помянуты, и я ощутила всплеск тоски по отсутствующей швабре. С ней как-то спокойнее гу-

лять по сельской местности.

Наверняка тот, кто придумал, что лучшие друзья девушек – бриллианты, имел в виду горожанок. Лучшая подруга селянки – крепкая дубинка!

– Ляська, ты? Ну, наконец-то, – донеслось от чего-то большого и темного, при ближайшем рассмотрении оказавшегося знакомой мне «девяткой». – Чуть не уснул, тебя дожидаясь!

Из машины, зевая, вылез Митяй-участковый.

– А зачем дожидался? Шел бы домой, за стол, там котлеты...

– Нет, нам лучше здесь... Открывай уже. – Митяй вкатился на крыльцо и подергал дверь.

Я послушно открыла:

– Ну, заходи, гостем будешь.

– О, вкусно пахнет! – оживился Митяй.

– Это варенье. – Я прошла в кухню, зажгла свет, поставила на стул банки, на стол – котелок и заглянула под крышку. – Котлеты будешь?

– Мамкины? – Митяй потер ладони и сел за стол. – А давай!

– Ма! – возмутился Шуруппак.

– Тут на всех хватит, – успокоила я его и быстро сервировала ужин на две персоны.

Митяй и Шура ели молча, одинаково урча от удовольствия. Вот это я понимаю, правильное поведение за столом!

Хотя кот, конечно, трапезничал на полу, но это не принципиально. Важно, что никто не заводил разговоров, отвлекающих от еды и мешающих пищеварению. Про ЗАГС, например, и тому подобное.

Только после чая со свежим, горячим еще вареньем Митяй откинулся на стуле, вытер руки полотенчиком, сложил их на животе и перешел к цели своего визита:

– Теперь о деле. У тебя ничего не пропало?

– Кроме веры в наше светлое будущее и победу коммунистического труда?

– Ты не хохми мне, я сейчас при исполнении, – построжал участковый. – Seriously спрашиваю, ничего не пропало? А то ходят тут всякие...

Я вспомнила, что убежал Митяй по звонку Семена, у которого было к участковому что-то срочное, и сделала вывод:

– У Буряковых что-то пропало?

– Не что-то, – участковый вздохнул, – а очень редкая и ценная вещь. Шишак!

– Что?! Я даже слова такого не знаю. Ты уверен, что ценность называется именно так?

– А то, конечно, уверен! Семен в заявлении так и написал: шишак торопецкий.

– Я не могу себе это представить, – призналась я.

Вот хоть режьте меня, а «шишак торопецкий» звучало почти непристойно.

– Стыдно, Ляся, стыдно, – с явным удовольствием укорил

меня Митяй. – Культурная вроде женщина, в городе жила, в музеи ходила... А про торопецкий шишак не знаешь! Позор тебе, что я еще могу сказать.

– Ты можешь сказать, что такое этот торопецкий шишак, – посоветовала я, начиная сердито сопеть и постукивать крышечкой по котелку.

Хорошая крышечка, звучная, увесистая, и в руке так удобно лежит! Может, не возвращать ее тетке Вере, а отнести в свою личную оружейную? Швабра мне как меч, крышка щитом будет...

– Ты этой штукой не лязгай, я не пугливый, – насупился участковый. – Гляди-ка, взяла моду утварью воевать, амазонка кухонная! Признай уже пробел в своем образовании, и я его заполню, так и быть.

– Заполняй, – разрешила я и сделала жест добой воли – отодвинула котелок.

Митяй поерзал, устраиваясь поудобнее, размял пальцы – приготовился жестикулировать – и начал напевно:

– Шишак, Люся, это такой старинный головной убор. – Руки лектора взлетели крыльями, а пальцы зашевелились, рисуя в воздухе у лба множественные выступы.

– Мужской? – уточнила я, резонно предположив, что Митяй показывает рога.

– С ума сошла? Женский, конечно! Вот такой! – Он нарисовал пальцем крутую дугу. – Из целой кучи жемчуга.

– А-а-а, кокошник! – сообразила я.

– На кокушки, в смысле яйца, очень похоже, – согласился Митяй. – Или на шишки сосновые, только из жемчуга сделанные. Поэтому, собственно, и шишак.

– А почему, собственно, торопецкий? В спешке сделан был, торопливо?

– Ду-у-ра, – ласково протянул Митяй и потянулся постучать меня кулаком по лбу.

– Но-но. – Я снова взяла крышку и пригрозила: – Не обзывайся, а то будут тебе сейчас шишаки в ассортименте!

– Ляся, Торопец – это город такой! В Тверской области! Торопецкий шишак – это старинный головной убор тамошних девок. А Евдокия Бурякова, соседка твоя, как раз отцова родом, и этот самый торопецкий шишак, из жемчугов сварганенный, еще ейной бабке принадлежал. Как только сохранился, ума не приложу...

– Так не сохранился же, ты говоришь, пропал он?

– Это только сейчас! Вот прям нынче, – вздохнул Митяй. – Семен говорит, вчера еще на месте был ларец, а сегодня уже нет его.

– Еще и ларец?

– Ларец – это такая большая шкатулка, размером с толстую книжку. – Митяй на пальцах показал габариты. – Шишак тот в ней и хранился. Ой, что будет, когда баба Дуся обнаружит пропажу... Не завидую я Семе.

– А в чем Семен виноват? – не поняла я. – Ты же вроде думаешь, что ларец с шишаком украл мой утренний гость,

разве нет?

– Думаю, – согласился Митяй. – И Сема так думает, он и заявление уже написал... Давай пройдишь-ка по дому, погляди внимательно, не стибрил ли что-нибудь этот ухарь и у тебя тоже!

– Мить, да у меня тут всех ценностей – один ноутбук...

Но я все же встала, обошла дом, проверила, все ли на месте, и из дальней комнаты покричала успокаивающе:

– Ничего не пропало!

– Ну и слава богу. – Митяй выбрался из-за стола и схватил опустевший котелок. – Снесу мамане, чтобы и у нее недостачи не было. Пока, Ляська, спокойной ночи. Да дверь за мной запри и ставни уже закрой, почти ночь на дворе!

– Все закрою, не волнуйся.

Я проводила гостя на выход и уже с крыльца окликнула:

– Мить, а почему Семену плохо будет, если баба Дуся ларца своего хватится?

– Ты че орешь так?! – Митяй, грозно тараща глаза, подкатился назад, к ступенькам. – Тихо, а то услышит кто! – Но тут же смягчился и хитро прищурился: – Чего это ты о Семене беспокоишься, понравился, что ли?

– И ты туда же! – Я тяжело вздохнула. – Небось смотришь вместе с мамкой программу «Давай поженимся»? Хочешь переквалифицироваться из участковых в свахи? Может, и мне включиться в этот процесс, начать подыскивать для тебя жену?

– Ляся, ты че? Я же просто спросил, а ты сразу угрожать! – Митяй помотал головой. – Вот бабы, а... Отвечаю на твой вопрос: Семену будет плохо, потому что они с бабкой давно уже из-за шишака этого сварятся. Семен продать его хочет – ну, в самом деле, вещь в хозяйстве бесполезная, а денег стоит больших. Но бабка расставаться со своим шишаком ни в какую не хочет, бухтит: вот помру я, тогда и продашь, а до тех пор хранить его буду, наследие моих любимых предков, а то и жене твоей будущей передам, чтобы сберегала для потомков... Тьфу! Говорю же – бабы...

Митяй сердито плюнул и ушел со двора. Я спустилась с крыльца, чтобы запереть за ним калитку, машинально помахала отъехавшей «девятке» и обошла дом, закрывая ставни. Перед моим внутренним взором что-то красиво сияло и мерцало – надо полагать, запавший мне в душу жемчужный девичий убор.

Я разлила по банкам варенье, а потом не выдержала: все-таки полезла в Интернет, нашла картинки и посмотрела, какой он – шишак торопецкий. Оценила точность жестикуляции Митяя, вертевшего многочисленные рожки на лбу – короткие, толстые, установленные встык. На тех шишаках, которые я видела, таких округлых жемчужных выступов, похожих на крупные перламутровые яйца, было до полутора десятков. А увесистый он, наверное...

Тут я подумала: а может, его никто и не крал? Баба Дуся, если так дорожит своим фамильным сокровищем, вполне

могла сама его перепрятать. Тем более что на дорожке шишак положил глаз жадный Сема, хочет его продать...

– А что, если бабка сама его перепрятала? От Семы? – спросила я брата-участкового, тут же ему позвонив.

Митяй, что удивительно, сразу меня понял – видно, думал о том же. Но идею не поддержал:

– Ляся, бабка в последнее время еле ползает, передвигается с палочкой, а ларец тяжелый, его только двумя руками держать можно.

– А где он хранился? – Я с сожалением подумала, что никогда не бывала в гостях у соседей, а зря, сейчас хоть представляла бы себе место действия.

– Ну где – в зале, в красном углу, под образами!

– И что, он там открытый стоял, чтобы жемчуга прямо с порога видно было? – усомнилась я.

– Слава богу, закрытый и под бархатной тряпочкой, иначе бабка уже спохватилась бы, – хмыкнул участковый. – Сема под ту тряпочку пока что Льва Толстого подсунул, «Войну и мир» – по размеру в самый раз. А ларец, Ляська, сам по себе красивущий был: черный, лаковый, на крышке картинка из блестящих кусочков ракушек, забыл, как называется...

– Перламутр?

– Он самый! Картинка затейливая: узкоглазый мужик с обвислыми усами и баба с шаром из волос на голове, оба в таких халатах, опять забыл название...

– Кимоно?

– Ага, оно! Сидят они, значит, под цветущим деревом и что-то пьют из маленьких чашечек.

– Такая сложная инкрустация?

– Ну! Я в детстве очень любил ее рассматривать, баба Дуся разрешала.

– Слушай, а много ли народу знало про это фамильное сокровище Буряковых?

– Тю-у-у... Да почитай, вся деревня! Баба Дуся из этого тайны не делала, наоборот, еще пару лет назад, пока нормально ходила, надевала свой убор и в клуб являлась по праздникам. Бабы ей завидовали – столько натурального жемчуга! А Епифанов прям пищал, скулил и хныкал, все упрашивал бабку отдать шишак в музей...

– Епифанов – это завклубом ваш?

– Наш, Ляся, наш! – Наверное, в этот момент участковый погрозил телефонной трубке пальцем. – Ты теперь тоже живешь в Пеструхине, не отделяй уже себя от нашего деревенского коллектива!

– Ладно, не буду, – пообещала я и, пожелав Митяю спокойной ночи, закончила разговор.

У меня еще было важное дело. Мне предстояло пробраться к соседям и порыться в их клумбе в поисках своего перелетного бокала.

Бокал был папин. Ну, и мамин, но ее я с бокалом не помнила, а папу – да. Это было какое-то давнее, детское еще вос-

поминание, полустертое и выцветшее, как старое фото, но доброе и даже немного сказочное – будто присыпанное золотой пылью.

Я, наверное, вертелась у стола, почти под ним – была еще маленькая. Стол казался мне похожим на снежный сугроб, крахмальная скатерть блестела и хрустела, я то пряталась под ней, то выбиралась наружу, в мир великанов-взрослых. А папа, помню, еще поднялся – разом вырос до небес! – и что-то басовито рокотал с высоты, смех взлетал волнами, и пузатые бокалы – красные с золотом, на прозрачных граненых ножках – сдвигались в один большой алый цветок, рассыпая хрустальный звон и разноцветные искры...

В общем, бокал был мне дорог и лишиться его я не хотела, поэтому дождалась, когда деревня Пеструхино погрузилась в сонную тишь, и отправилась возвращать свое наследство. Не всем же так везет, как бабе Дусе Буряковой с ее жемчужным убором, у некоторых фамильные сокровища имеют скромный вид, но от этого не менее ценны...

Экипировалась я для ночной вылазки просто и удобно: в темно-синий спортивный костюм и галоши. Ценители стиля могли бы раскритиковать мой выбор обуви, зато прагматики его явно одобрили бы.

Галоши легко моются и не оставляют таких выразительных следов, как кроссовки. С учетом того, что галоши мне подарила тетка Вера, прикупившая себе абсолютно такие же на базаре, где одеваются-обуваются почти все деревенские,

можно не сомневаться: если что – по следам меня не вычислят.

Я, разумеется, понимала, что, тайно вторгаясь на участок соседей, совершаю противоправное действие, и вовсе не хотела, чтобы меня уличили в содеянном. Для пущей неузнаваемости я надела одноразовую медицинскую маску и резиновые перчатки, а приметные светлые волосы спрятала под капюшоном.

Кот Шурупак посмотрел на меня, так необычно наряженную, плюхнулся на попу и как-то странно заелозил передними лапами – будто хотел поднять одну и покрутить ею у виска, но не определился, правой ему это сделать или левой.

– Тебя с собой не зову, – сказала я ему. – Вижу неодобрение, понимаю твою позицию, сама всецело за то, чтобы чтить Уголовный кодекс, но думаю, что не совершаю ничего уж очень противоправного.

Кот фыркнул.

Я с трудом удержалась, чтобы не продолжить оправдательную речь: прекрасно зная, что мой словесный понос – это нервное, усилием воли заставила себя замолчать.

Я взяла мобильник, предусмотрительно заряженный на сто процентов, чтобы в энергоемком режиме фонарика аккумулятора хватило даже на продолжительные поиски, и вышла во двор.

Штурмовать хлипкий штакетник не стала – еще поломается – и пошла длинным путем через огороды, как давеча

Семен с его яблоками. На суверенной территории Буряковых я немного потоптала какие-то грядки и в обход сарая и поленницы под жестяным навесом подобралась к вожделенной клумбе.

Какое счастье, что у соседей нет собаки! Свиновидного Бусика я таковой не считаю, по-моему, он и сам понимает, что не тянет на роль сторожевого пса, поэтому очень редко лает.

С удовольствием убедившись, что соседи, как и я, на ночь закрыли окна ставнями и из дома меня никто не увидит, я включила фонарик и осторожно полезла в заросли.

Два больших куста – жасминовый и сиреневый – я прошла без потерь, но потом все-таки попалась на крючок штокрозы, с трудом отцепилась от ее колючек, ткнулась носом (низко шла, видать, к дождю) в упругий помпон хризантемы, чуть не сломала гладиолус и по щиколотку влезла в молочную лужу петуний. Все это – в низком присяде, согнувшись, чтобы лучше видеть нижний ярус джунглей и не пропустить стеклянный блеск искомого бокала.

Блеснуло! Я пригнулась еще ниже и пошла на брющем, едва не задевая носом цветочный ковер. Осторожно запустив в него пятерню, я поворошила растительность.

Опять блеснуло! Я точнее нацелила фонарик, и у стебля очередной колючей розы увидела сверкающую крупинку. Подняла ее – хм... Интересное кино...

Бело-розовая, похожая на ноготок пластинка, легкая и

гладкая. Перламутровая! А я, конечно же, не забыла, что перламутр совсем недавно упоминался в связи с пропажей ларца и содержавшегося в нем шишака.

На круглой перламутровой пластинке, если присмотреться, видны были тонкие темные черточки: похоже, глаза, брови, рот и нос.

– Кто-то голову потерял, – пробормотала я, имея в виду персонажей, в технике сложной инкрустации изображенных на ларце.

Хотя обо мне можно было сказать то же самое: напав на след исчезнувшего сокровища, я потеряла голову! Мне это свойственно – увлекаться чем-то моментально и сразу в высшей степени.

Версия выстроилась в моей голове моментально. Вор не унес ларец из дома Буряковых. Он просто выбросил его в открытое окно, прямо на клумбу!

Я решила, что не уйду отсюда, пока не прочешу заросли вдоль и поперек. Но человек предполагает – и только. Я и половину клумбы не осмотрела, когда услышала очень подозрительные шорохи. Встречным курсом в зарослях полз кто-то крупный! Размером с небольшого коромота, я думаю.

Я выключила фонарик и согнулась в три погибели, полностью схоронившись в цветочках. Малоприятный, кстати, опыт, не хотелось бы повторять его при жизни. Впереди, за плотными рядами декоративных подсолнухов, мелькнул луч света. Значит, это не хозяйская собачка.

Я отогнала видение песика Буси, вышедшего на ночную прогулку в шахтерской каске с фонариком: не потому, что такого просто не могло быть, вообще-то у Буси немало оригинальных нарядов, любящая хозяйка его и обшивает, и обвязывает с большой фантазией, – просто Буся, я говорила уже, изрядно одышлив и на ходу похрюкивает, а этот, с фонариком, двигался беззвучно. Хруст и шорохи не в счет, это еще недавно девственные джунгли слабо протестовали против их повторного поругания.

Я затихла, замерла, точно мышь под метлой. Впереди, за ненадежным ограждением из подсолнухов, еще потрещало, похрустело, пошуршало и стихло.

Свет погас. Похоже, я осталась одна.

Продолжать поиски мне расхотелось. Вот представьте картину: я лежу плашмя, ночь, луна, сыра земля, одуряюще пахнущие цветы и тишина-а-а-а... Только что мертвые с косами не стоят, а так вполне себе кладбищенская зарисовочка!

Надо было мне, наверное, поторопиться вылезти – может, успела бы увидеть того, кто сделал это чуть раньше. Каюсь – я побоялась. Если бы со мной хотя бы верная швабра была, а так...

Страдая от собственного малодушия, я двинулась в противоположную сторону – к штакетнику на границе двух домовладений.

Найти в этой ненадежной конструкции деревяшку, гото-

вую покинуть относительно стройные ряды вертикальных палок, труда не составило, тем более что в обращении с такими деревяшками я в последнее время изрядно поднаторе-ла (правда, моя верная швабра?). Я убрала одну палку, а потом, когда вылезла в образовавшуюся дыру, поставила ее на место и для пущей конспирации примотала к вертикальной перекладине плетью вьюнка.

Вот и все. Цветочки, которые я примяла и потоптала, за ночь благополучно распрямятся, и о моей вылазке в клумбу никто не догадается. Можно считать, что я ничего такого не делала. Тем более бокал свой так и не нашла.

Интересно, та таинственная личность, которая паслась в цветочках одновременно со мной, оказалась более находчивой, в смысле, добычливой? Ведь не просто так она, личность эта, залезла ночью в клумбу, явно тоже что-то там искала.

– Конечно, это мог быть кто-то из деревенских, – подумала я вслух. – Какой-нибудь романтичный, но экономный юноша. Он захотел преподнести свой подруге цветы, но не покупать же их, в самом-то деле, если можно надергать на чужой клумбе.

Тут мне вспомнилась роза, которую я нашла в сенях после явления мне Хтося. Цветок был явно с клумбы бабы Дуси, я только что видела куст с такими же красными розами.

То есть Хтось или как там его... А, Андрей Петрович Соколов! Он, значит, шел через огороды ко мне не кратчайшим

путем, а по кривой, с заходом в многострадальную клумбу – ту самую, на которой я только что нашла перламутровый кусочек из мозаики, украшавшей крышку пропавшего ларца с шишаком!

– Митяй, Митяй, я все поняла! – жарко заговорила я в трубку, беспардонно разбудив брата-участкового срочным звонком. – Дело было так...

– Я, Ляся, тоже все понял, – беззлобно, с кроткой грустью, ответил Митяй сквозь зевок. – Ты послана мне в наказание. За грехи мои тяжкие...

– Это какие же у тебя грехи? – невольно заинтересовалась я.

– Тебе прямо сейчас исповедаться или ты сможешь подождать до утра?

– Не смогу, – вздохнула я. – Хотя твоя исповедь тут совершенно ни при чем. Я, Митя, поняла про ларец: его спрятали в клумбе!

– В какой еще клумбе? – спросил он.

А «какой еще ларец?» не спросил, значит, понял, о чем я.

– У Буряковых перед домом большая цветочная клумба, ты ее видел, это какой-то дикий лес, филиал амазонских джунглей.

– Ну! И что?

– А то – когда Соколов вломился в мой дом, ларца у него с собой не было. А роза была! И срезать ее он мог только на клумбе бабы Дуси, больше нигде. То есть сначала он залез в

клумбу, а уже потом в мой дом.

– И?

– Не спи! Смотри, все складывается: Соколов с огорода протопал во двор Буряковых, зашел в дом – дверь, разумеется, была открыта, тут это норма, а хозяева по какой-то причине отсутствовали...

– Семен за хлебом ходил, а бабка в сортире сидела, это я уже выяснил, – наконец-то включился участковый.

– Ну вот! Соколов вошел в дом – и напрямик в гостиную, цапнул под образами ларец с шишаком, тут же вышел, залез в ту клумбу и спрятал там ларец!

– И пошел дальше по хатам? – усомнился Митяй. – Ладно, предположим, он знал про бабкин шишак и шел конкретно за ним. Информация-то была не секретная, про шишак этот вся округа в курсе. А к тебе-то он зачем попер? Я что-то не слышал, чтобы у тебя какие-то родовые сокровища хранились.

– Резонный вопрос, – неохотно согласилась я.

В самом деле, не за папиным же хрустальным бокалом охотился этот уголовник!

– Может, он у меня спрятаться думал? Сколько дом стоял пустой, пока я его не купила, – полгода, год?

– Да даже поболее, – припомнил Митяй.

– Ну вот! Соколов мог не знать, что у этого дома появилась хозяйка!

– Слабенькая, конечно, версия.

– Сейчас я ее усилю, – пообещала я. – Слушай сюда: десять минут назад я нашла в буряковской клумбе перламутровую голову!

– Что ты там нашла?!

– Фрагмент инкрустации, украшающей крышку ларца!

– Да? – Митяй немного помолчал. – Слушай, а что ты делала в этой клумбе? Ночью! У тебя же в доме есть свой теплый сортир...

– Фу на тебя, Митяй! Как ты мог подумать! – обиделась я. – Вот с чего бы мне?

– Ну, мало ли... Может, живот прихватило так, что до дома добежать не успела... Или, может, ты это из чувства прекрасного – чтобы на свежем воздухе, да под луной, в цветочках...

Митяй захихикал, и я поняла, что надо мной откровенно издеваются.

– Ах, тебе смешно? Ну, тогда я тебе еще вот что скажу: я не одна была там, в клумбе под луной!

– Что, снова экстремальный бац-бац? – Митяй уже не хихикал, а ржал. – Как романтично!

– Да тьфу на тебя! – Я психанула и отключила связь.

И эти люди – я имею в виду сотрудников полиции – еще жалуются, что добропорядочные граждане им не помогают! Тут и захочешь помочь, даже попытаешься это сделать – с открытым сердцем, со всей душой, – а тебе в эту открытую душу цинично наплюют!

– Ну и ищи его сам! – сказала я выключенному телефону, адресуясь к Митяю и имея в виду пропавший ларец, благополучно переждавший легкий шухер с его неактивными поисками на клумбе и, возможно, уже покинувший ее вместе с той неизвестной личностью, которая, сама того не зная, составляла мне компанию в цветочных джунглях...

Утром я проснулась с твердым намерением безотлагательно взяться за работу и закончить уже статью. В конце концов, что за глупость, расхлябаность и безответственное увлечение деревенскими тайнами? Кормит-то меня древнейшая профессия – журналистика, а не устное народное творчество!

Я умылась, покормила кота, сгрызла печенье и, прихватив большую кружку с крепким кофе, отправилась в свой кабинет – на чердак. Отличное место для добровольно-принудительной работы! Окошко маленькое и показывает только кусочек неба, так что засматриваться не на что, звуки с улицы практически не доносятся – ничто не отвлекает.

Главное, не дать проскользнуть в чердачный кабинет Шуруппаку: он чересчур азартно возится в хламе, который я, нерадивая хозяйюшка, просто сдвинула к стенам, а разбирать не стала. Ну, неохота мне его разбирать, этот чужой бардак! Копаться там, сортировать, по лестнице сносить... Было бы чердачное окошко побольше, я бы прямо в него все повыбрасывала да со двора на помойку отправила.

Но освобожденный от барахла просторный квадрат пола я намыла до блеска! Поместила там стул, стол, лампу, ноутбук – организовала прекрасное рабочее место. Осталось разве что ножки стула к полу привинтить и приспособить к ним цепи с кандалами, чтобы приковывать себя к месту и работать, работу, работать, а не болтать и сачковать, как я это люблю и умею.

В общем, я заставила себя отвлечься от деревенского дедтектива и погрузилась в не столь захватывающую, но по-своему драматическую историю региональных застройщиков. У них после карантина темпы роста продаж новостроек сильно просели, даже льготная ипотека не помогает...

С бедами застройщиков я разбираюсь часа три. Шура несколько раз приходил под дверь: сначала только скребся с намеком, потом начал подавать голос, и тон его становился все более скандальным. Я непоколебимо сидела и работала – умею, если надо, вкопаться крепко, как телеграфный столб.

Но кот не сдался. Он ушел из-под двери, выбрался из дома, запрыгнул на козырек навеса над крыльцом и оттуда пополз по стене к чердачному окошку, как Том Круз в роли суперагента по отвесной скале. Я узнала об этом, когда решила выяснить, что за странное глухое бумканье доносится до меня с улицы.

Бумкал кот, срывающийся с бревенчатой стены на покрытый толью навес. Это было завораживающее зрелище, и я наблюдала его, позабыв о своих трудах, минут пять. За это вре-

мя упорный кот предпринял три неудачные попытки совершить восхождение по стене и столько же раз с нее свалился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.